

Рожкова А. А.

[К ОПЫТУ ПРОЧТЕНИЯ "LETTRES A SARTRE 1930-1939; 1940-1963" С. ДЕ БОУАР](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/70.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 169-171. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

прошлое оказывается как бы настоящим - настоящим увлеченного им и перенесенного в него читателя. Прошлое в произведении искусства становится «настоящим» читателя. Читатель, сознавая, что он имеет дело с прошедшими событиями, настолько, однако, в них погружается, что начинает чувствовать в известной мере это прошлое своим настоящим. Читатель как бы живет двойной жизнью: своей и читаемого им произведения» [Лихачев 1967: 352]. Если учесть взаимосвязи художественного времени с жанром произведения, ситуацией, то становится понятным, что не только для «читателя» - адресата (Олгрена), но и для «писателя» - адресанта (Бовуар) происходит «погружение» и обретение ткани художественного времени (времени письма), когда письмо обретает объем и плотность, а прошлое становится настоящим: «для меня имеет огромное значение, что это письмо пишется именно сейчас и сказано в нем, что я *сейчас* чувствую. *Сейчас* - что за странное слово, ибо самый *час* на наших часах различен, и какой огромный смысл приобретает оно, когда наши губы соединяются и мы можем сказать: «Сейчас, сейчас я принадлежу тебе» [Бовуар 2003: 93]; «В тот самый момент, когда Вы спрашивали меня: «Чувствуете, как мы сближаемся?», - я писала Вам: «Мы близки, как никогда»» [Бовуар 2003: 47]. Отсюда эпитеты - «живое» и «свеженькое», которыми писательница наделяет письма Олгрена, прикосновение к которым «переполняет счастьем» [Бовуар 2003: 384]. «Время любви» порой превалирует над реальным временем, управляя последним: «Со времени последнего письма я вела необычайно спокойную жизнь» [Бовуар 2003: 38]. Настоящее, о котором повествует в своих письмах Бовуар, так или иначе сводится ко времени любви (прошлому-настоящему). Рассказывая о буре в деревне Кань, она сравнивает ее с прошлыми бурями, отличающимися от последней присутствием Олгрена: «Мне бы так хотелось спрятаться у Вас на груди, и чтобы Вы снова спросили: «Вас сюда звали?»» [Бовуар 2003: 302].

Мир, созданный на пропитанных любовью почтовых листках, для Бовуар был зачастую гораздо реальнее воспоминаний о Вабансии и жизни в Париже: «Так что я сегодня счастлива без видимой причины. Хотя, что я такого получила? Никудышную безделицу, но ведь эта моя собственная любовная безделица, мой и только мой Нельсон, драгоценность для меня, как это ни глупо. Странно, не так ли? Да, дорогой, как только письмо оказалось у меня в руках, как только я еще раз убедилась, что Вы - существо реальное и живое, я поудобнее устроилась в постели, представив на миг, что сплю, прижавшись к Вам, уткнувшись лицом Вам в плечо, и Ваше тепло смешивается с моим. Вас со мною не было, и, тем не менее, я снова заснула, а значит, это не было чистой фантазией» [Бовуар 2003: 362].

В центре этого мира наполненного весною, жизнью и любовью - двое - мужчина и женщина, Возлюбленный и Любящая, соединенные друг с другом любовью. Оба непременно должны быть искренно и самоотверженно влюбленными: лишь неподдельное чувство дает им право на счастье вопреки всему.

Список использованной литературы

1. **Бовуар С. де.** Трансатлантический роман. Письма к Нельсону Олгрону 1947-1964 / С. де Бовуар; пер. с франц. И. Мягковой. - М., 2003. - 612 с.
2. **Лихачев Д. С.** Поэтика художественного времени. Художественное время словесного произведения. Преодоление времени в художественной литературе // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. - Л., 1967. - Ч. IV. - С. 212-223; 351-352.
3. **Самохвалова В. И.** О психоэнергетической природе любви / В. И. Самохвалова // Философские науки. - 2004. - № 10. - С. 30-51.
4. **Rétif F.** Simone de Beauvoir et l'autre / F. Rétif // Les Temps Modernes. - 1991. - № 538. - P. 76-95.

К ОПЫТУ ПРОЧТЕНИЯ «LETTRES À SARTRE 1930-1939; 1940-1963» С. ДЕ БОВУАР

Рожкова А. А.

Магнитогорский государственный университет

Материалом для двухтомного эпистолярного издания «Lettres à Sartre 1930-1939; 1940-1963», вышедшего посмертно, в 1990 году, послужили письма Симоны де Бовуар к Жан-Полу Сартру, которые она писала ему на протяжении всей своей жизни. Во Франции «Письма к Сартру...» исследовала Катрин Пуассон на предмет «амбиобиографии» (биографии двух в одном) жизни и творчества писателей, в результате чего появилась книга «Сартр и Бовуар: от я к мы». Им посвящена статья Марии-Жо Бонне «Одно любопытное умолчание Симоны де Бовуар» и пр. Широкому кругу европейских читателей «Письма к Сартру...» стали интересны не столько запечатлевшимися в письмах определенной эпохой и незаурядной личностью самой Бовуар, но оригинальными взглядами писательницы на любовь между мужчиной и женщиной - «необходимую любовь», которая связывала ее с Сартром. В России письма к Сартру незаслуженно обойдены вниманием издателей и критиков (в качестве дополнительного ресурса для своих изысканий двухтомный эпистолярный использовали специалист по французской литературе XX века С. Фокин и исследователь творчества Бовуар, Н. И. Полторацкая). Исходя из того, что эпистолярное наследие автора интересно современному российскому читателю, доказательством чему служит публикация в 2003 году писем Бовуар к Нельсону Олгрону, напрашивается единственное объяснение небрежения к изданию - «Письма к Сартру...» в нашей стране до сих пор недооценены российским критиком и издателем. В связи с чем и родилась данная статья, цель которой - позна-

комить с французским изданием и поделиться собственным опытом, сформировавшимся в процессе неоднократного прочтения текста.

Итак, издание «Писем к Сартру...», **во-первых**, представляет собою лишь часть переписки Бовуар и Сартра: письма Сартра к Бовуар были опубликованы по инициативе самой писательницы в 1983 году в виде двухтомника «Lettres au Castor et à quelques autres 1926-1939; 1940-1963» («Письма к Бобру и некоторым другим 1926-1939; 1940-1963», в которое вошли письма к самой Бовуар (Бобру - прозвище времен Сорбонны), Симоне Жоливе, Ольге Казакевич, Луизе Ведрин (литературный псевдоним Бьянки Бьененфельд; отечественному читателю она известна как автор «Мемуаров девушки, сбитой с толку» - Бьянка Ламблен; несколько писем адресовано другу Сартра - Жану Полану).

Во-вторых, публикация «Писем к Сартру...» была осуществлена посмертно, спустя семь (!) лет после обнаружения «Писем к Бобру...», благодаря счастливому обнаружению в 1986 году считавшихся утерянными писем Бовуар к Сартру ее приемной дочерью Сильвией Ле Бон де Бовуар - правообладательницей, переводчиком, «дешифровщиком» (помимо неразборчивого почерка, Бовуар часто сокращала слова, использовала псевдонимы) авторского наследия, в частности, эпистолярного творчества.

В-третьих, несмотря на то, что издание формально ориентировано на «Письма к Бобру...» (тоже двухтомно, в него тоже включены письма к Симоне Жоливе); тем не менее, оно существенно отличается от последнего: каждое из писем к Сартру пронумеровано; письма данного издания приведены все и без купюр, тогда как в «Письмах к Бобру...» опубликованы не все письма: «...в один прекрасный день 1983 года она принесла мне книгу «Письма к Бобру и некоторым другим». Возвратясь домой, я первым делом стала искать «свои» письма. Их оказалось тринадцать из девятнадцати, которые я тогда видела у нее» [Ламблен 2000] и с купюрами. В «Письмах к Сартру...» имеется дополнительная информация, предваряющая текст письма или его часть: место написания - «Большой ресторан с быстрым обслуживанием отеля Lutétia. Сквер du Bon Marché» [Beauvois 1990: 121] (для Бовуар большое значение имело место написания письма или его части, о чем она, как правило, *подробно* инструктировала своего адресата; это является характерной чертой ее эпистолярия - «На борту К. Л. М. Королевские авиалинии, Ньюфаундленд, суббота. После полудня, 17 мая 1947 г.» [Бовуар 2003: 11]), дата (день недели, число, месяц, год), авторские пометы (например, часто встречающееся [F.R.] или приводящаяся на месте эпиграфа, пронумерованная преамбула письма [Beauvois 1990: 73]); следующая за письмом: постскрипумы (чаще всего приводятся без привычного «P. S.», как продолжение письма - еще одна черта всех писем Бовуар: «Гуляя по Монмартру с Ольгой, моей русской подругой, купила Вам открытки» [Бовуар 2003: 254]) информация о получателе и отправителе на конверте письма.

В-четвертых, «Письма к Сартру...», несмотря на обилие затрагиваемых в них тем (друзья, война, творчество и пр.), являются любовной корреспонденцией: «...я начинаю писать вам письмо, так как мое сердце переполнено любовью к вам, этой ночью у меня была настоящая истерика, когда я думала, что в моих последних письмах, полных тревоги, я недостаточно внимания уделила описанию моих к вам чувств, моей любви» [Beauvois 1990: 144]. К своему адресату Бовуар обращается не иначе, как: «любовь моя» [Beauvois 1990: 15], «маленький возлюбленный» [Beauvois 1990: 26], «любимый» [Beauvois 1990: 153] и т.д.; в письмах часты признания-заверения в любви: «Я люблю вас, дорогое маленькое существо, я люблю вас страстно и крепко целую вас» [Beauvois 1990: 74], «Я так тороплюсь вас увидеть. Я страстно люблю вас, моя любовь» [Beauvois 1990: 12], «Скучаю, очень сильно люблю» [Beauvois 1990: 14] и пр. Несмотря, что, помимо 307 писем к Сартру издатель, ориентируясь на «Письма к Бобру...», включил небольшое количество (14) писем к Симоне Жоливе: «Здесь мы найдем письма, адресованные Кастором Сартру, с 1930-1963, во всей их первоначальности. Я добавила письма к Тулузе, их общей подруге в течение всех этих лет, подобно тому, как это сделала Симона де Бовуар в своем издании» [Beauvois 1990: 10], издание вполне можно рассматривать как отдельное, полноценное собрание писем, повествующих о «необходимой любви» Симоны де Бовуар к Жан-Поллю Сартру. Даже название - «Письма к Сартру...» - подчеркивает замысел издателей - познакомить публику с интимными письмами женщины к мужчине. Это то, что касается описания французского издания.

Теперь перейдем к опыту его прочтения. На первый взгляд письма кажутся незамысловатыми и какими-то сумбурными. Читатель скользит по слишком уж гладкой и непримечательной, какой-то зеркальной поверхности текста, не ощущая «двойного дна» писем, в которых Бовуар осталась верна самой себе - женщине, желающей до последнего момента удержать истину своих интимных отношений при себе: долгое время она мистифицировала их существование (На вопрос о своих письмах к Сартру писательница заявляла, что они были уничтожены, как и многие другие документы во время покушения на Сартра, когда в его дом была брошена бомба, но в интервью 1984 года она оговорила: «...Я не пойму, почему я должна опубликовать мои письма при жизни. Когда я умру, может быть, их напечатают, если найдут»). В «Силе возраста», ссылаясь на Сартра, который извещал ее в одном из своих писем 1939 года о потере ее корреспонденции, через несколько страниц Бовуар, описывая свой отъезд из Парижа в 1940 году, свидетельствует об их сохранности - покидая город, она берет их с собой, как «самое ценное» [Beauvois 1990: 9-11]). При чтении «Писем к Сартру...» совершенно забывается, что перед нами письма одного из двух великих мифотворцев собственной жизни XX века - Симоны де Бовуар (вторым был Жан-Поль Сартр), которая, опираясь на экзистенциальную «мораль двусмысленности» запечатлела опыт собственной жизни, в частности жизни внутренней, одну из основ которой составляет любовь. Для доказательства этой мысли приведем цитату Н. Полторацкой: «Согласиться с правом людей судить о ней иначе, чем она сама этого хотела, - это был ее способ хранить верность себе. Может быть, именно поэтому она столь бережно относилась ко всему, что сберегала

память. И может быть, поэтому о жизни писательницы, как и о жизни Сартра, сохранилось так много свидетельств, что существует мнение, будто таких свидетельств больше, чем о жизни любого другого деятеля XX века» [Полторацкая 2005: 594]. И не просто запечатлела, но создала идеальные условия для того, чтобы многократно и в разных формах обнажаясь перед своим читателем, остаться для него загадкой, сохранить за собою право на абсолютную истину, даруя ему лишь истину относительную, познав которую, читатель с полной уверенностью мог лишь констатировать изреченное древними «я знаю то, что ничего не знаю»; т. е. произведения Бовуар, воплощающие один из проектов ее собственного существования («Творец играет образами, создает мифы, а тем самым и самого себя, поскольку между видимостью и бытием нет четкой границы» [Камю 1990: 15]), «ускользают» от окончательного овладения ими, а, значит, «ускользает» от порабощения читательским восприятием и сама, опосредованно существующая в них, Бовуар, оставаясь в сознании своих читателей (в философии экзистенциализма первично существование, в данном случае идет речь о существовании сознания) свободным субъектом своего вечно живого и постоянно обновляющегося - ускользающего, свободного и самодостаточного бытия - бытия в мифе и через миф, переживающий второе рождение в XX веке. Для того чтобы «овладеть» «Письмами к Сартру...», уловить тот самый «вкус собственной жизни», который так талантливо умела воплощать в своих произведениях Бовуар, необходимо иметь представление о том фундаменте, поверх которого развивалась «любовь» Сартра и Бовуар: о философии экзистенциализма, фактах личной и творческой биографии писательницы. По свидетельству самой Бовуар в письме к Олгрёну от 18 августа 1948 года для нее «нет различия между чувствами, событиями и философией» [Бовуар 2003: 225].

Далее, приступая к анализу писем, необходимо учитывать двойственную природу «Писем к Сартру...»: природу бытового предназначения и природу литературного значения письма - «из пограничной области быта переместившегося в область литературы» [Дезен 1988: 26], «ставшего литературным фактом» [Тынянов 1977: 63]; другими словами, помнить о том, что причиной писем явилась насущная потребность в адресате, реализации, пусть даже в эпистолярной форме (порой единственно доступной), сложившихся взаимоотношений; следовательно, невозможно анализировать «Письма к Сартру...» на предмет выявления взглядов Бовуар на любовь без анализа конкретных и весьма специфичных взаимоотношений, этим взглядам сопутствующих.

Немаловажно также, учитывать, что Вторая мировая война, с приходом которой Сартр 2 сентября 1939 года был мобилизован, переживалась Бовуар очень лично, интимно: «...в 1939 году мое существование изменилось радикально: История завладела мною, чтобы больше меня не отпускать; с другой стороны, я глубоко и навсегда связала свою жизнь с литературой. Эпоха завершилась» [Beauvois 1960: 368]. Война разделила не только письма Бовуар к Сартру 1939 года на «письма до войны» и «письма войны» (логичнее было бы включить сентябрьские письма 1939 г. во второй том, отграничив, таким образом, разные периоды самосознания автора); но и жизнь, творчество (письма - в том числе) Бовуар на три периода: жизнь и творчество до войны, военного времени, послевоенного, явившись одной из причин, породившей «необходимую любовь». Поэтому, при анализе «Писем к Сартру...», гораздо результативнее будет разделить их на три тематически самостоятельные части: первая часть - письма о любви до войны (1930 - июль 1939), вторая - любовные письма времен войны (сентябрь 1939 - 1945), третья - послевоенные письма любви (1946 - 1963), проанализировав каждую часть отдельно, так как содержание писем каждой части, в частности, взгляды на любовь писательницы будут претерпевать качественные изменения из-за разных пограничных ситуаций, то есть ситуаций прозрения через боль, страдание, смерть и др. невосполнимые потери перед лицом вечности (в первой части - это буржуазная семья, во второй - война, в третьей - эгоизм любимых). В каждый из этих периодов-ситуаций «необходимая любовь» проявляла себя по-разному, но всегда была необходима в качестве некоего противовеса, некоей альтернативы, ориентира перед лицом небытия, смерти, помогающая существовать и делать выбор как во внешнем (материальном мире), так и во внутреннем мире (мире чувств).

Список использованной литературы

1. **Бовуар С. де.** Трансатлантический роман. Письма к Нельсону Олгрёну 1947-1964 / С. де Бовуар; пер. с франц. И. Мягковой. - М., 2003. - 612 с.
2. **Дезен Н. А.** Эпистолярный жанр во французской литературе XVII века (письма г-жи де Севинье): Дис ... канд. филолог. наук / Н. А. Дезен. - М.: Москов. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1988. - 206 с.
3. **Камю А.** Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. - М., 1990.
4. **Ламблен Б.** Мемуары девушки, сбитой с толку / Б. Ламблен // Иностранная литература. - 2000. - № 4. - С. 78-107.
5. **Полторацкая Н. А.** Симона де Бовуар и ее роман «Мандарины» / Н. А. Полторацкая // Бовуар С. де. Мандарины. - М., 2005. - С. 561-599.
6. **Тынянов Ю. Н.** Поэтика. История литературы. Кино. - М., 1977. - С. 255-270.
7. **Beauvois S. de.** La Force de l'age / S. de Beauvois. - Paris, 1960.
8. **Beauvois S. de.** Lettres à Sartre / S. de Beauvois / Ed. Sylvie Le Bon de Beauvois. - Paris, 1990.